Н. Смирновъ.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ И РЕЛИГІЯ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1912.

Пр.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ (1912 г., № 6).

535
36

Эстетическое воспитаніе и религія.

Отъ редакціи.

Статья г. Смирнова затрогиваетъ очень важный и интересный вопросъ о связи эстетическаго и религіознаго воспитанія, придавая послѣднему очень серьезное значеніе. Какъ бы ни смотрѣть на роль религіи въ жизни человѣка, религіозные запросы, несомнѣнно, проявляются въ сравнительно раннемъ возрастѣ и требуютъ того или иного отвѣта. Обойти ихъ молчаніемъ педагогамъ и воспитателямъ совершенно невозможно. Невозможно также отвѣчать на эти запросы лишь сухимъ и формальнымъ преподаваніемъ въ школахъ закона Божія и требованіемъ внѣшней обрядовой религіозности отъ воспитанниковъ. Многіе полагаютъ,—съ другой стороны, что самый вопросъ о религіозномъ воспитаніи отпадетъ при отдѣленіи школы отъ церкви и при устраненіи преподаванія въ школахъ закона Божія. Послѣднее мнѣніе представляется намъ невѣрнымъ. При устраненіи школьнаго преподаванія закона Божія религіозное воспитаніе дѣтей и юношей переходитъ только отъ школы или въ руки семьи или представителей той церкви, къ которой принадлежитъ семья. Семья или представители духовенства также поневолѣ встрѣтятся съ религіозными запросами ребенка и должны будутъ такъ или иначе съ ними посчитаться. Полное же игнорированіе со стороны воспитателей этихъ запросовъ поведетъ только къ тому, что ребенокъ будетъ искать на нихъ отвѣтовъ изъ какихъ-либо другихъ источ-

никовъ, которые нерѣдко могутъ дать чрезвычайно уродливыя рѣшенія, искажающія сокровенные запросы человѣческаго духа.

Въ культурныхъ странахъ, гдѣ общественное мнѣніе имѣетъ право свободно высказываться, обсужденіе вопроса о религіозномъ воспитаніи можетъ привести и въ извѣстной степени уже привело къ болѣе или менѣе раціональному разрѣшенію его, если не на практикѣ, то по крайней мѣрѣ въ теоріи. У насъ дѣло стоитъ иначе. Печать и общество почти лишены возможности трактовать этотъ важный предметъ всесторонне. Религіозное воспитаніе, усиленно поддерживаемое у насъ учебной и общей администраціей, оцѣнивается ими не столько само по себѣ, сколько съ точки зрѣнія «благонамѣренности» и противовѣса различнымъ «вреднымъ» теченіямъ общественной мысли. При такомъ положеніи вещей то, что выходитъ изъ предначертаній власти, подвергается всевозможнымъ гоненіямъ и репрессіямъ. Немудрено поэтому, что какъ общая, такъ и педагогическая пресса столь рѣдко касаются религіознаго воспитанія, хотя и признаютъ этотъ вопросъ очень серьезнымъ. При этомъ получается крайне странная картина. Стремленія власти насадить религіозность приводятъ къ діаметрально противоположнымъ результатамъ. Извѣстно, напр., что атеизмъ болѣе всего процвѣтаетъ въ духовныхъ семинаріяхъ. И несмотря на то, что такіе результаты получались у насъ въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій, правительственная политика остается все тою же, нисколько не измѣняясь по существу, и только въ одно время нѣсколько ослабѣвая, въ другое—усиливаясь и развиваясь.

Редакція «Вѣстника Воспитанія», сознавая всю тяжесть современныхъ условій и крайнюю затруднительность всесторонняго обсужденія вопросовъ религіознаго воспитанія, все же по мѣрѣ возможности стремится дать имъ то или иное освѣщеніе, хотя заранѣе предупреждаетъ своихъ читателей, что она не въ состояніи удовлетворить

тѣмъ запросамъ, которые, несомнѣнно, возникаютъ теперь въ данной области. Поневолѣ приходится довольствоваться частичными рѣшеніями вопроса и многое существенное оставлять въ тѣни. Такъ, напр., по поводу помѣщаемой статьи г Смирнова, думается намъ, могла бы, при свободѣ печати, возникнуть оживленная и интересная полемика, въ результатѣ которой связь религіи съ эстетикой была бы болѣе или менѣе выяснена. Теперь же на это весьма трудно надѣяться. Даже тѣ разногласія, которыя существуютъ у редакціи съ авторомъ статьи, къ сожалѣнію, не могутъ быть освѣщены полностью. Поэтому редакція поневолѣ ограничивается только нѣкоторыми замѣчаніями и соображеніями.

Высоко цѣня идеалистическое отношеніе автора къ религіи вообще и къ эстетико-религіозному воспитанію въ частности и считая, что, дѣйствительно, существуетъ связь между религіей и эстетикой, редакція однако полагаетъ, что г. Смирновъ не считается со многими чрезвычайно важными обстоятельствами и разбираетъ предметъ въ значительной мѣрѣ отвлеченно—внѣ дѣйствительныхъ условій современности, недостаточно принимая во вниманіе психологію русскаго общества.

Кризисъ традиціоннаго религіознаго міросозерцанія, религіозный индиферентизмъ общества, переходящій нерѣдко въ пренебрежительное и даже враждебное отношеніе къ религіи и въ особенности къ представителямъ духовенства,— все это ведетъ, конечно, при отсутствіи или шаткости другихъ устоевъ морали нерѣдко къ тому, что люди остаются безъ всякихъ руководящихъ принциповъ нравственности, утрачиваютъ стойкость воли и погружаются въ тину мелочной житейской прозы, сѣрой и вялой жизни безъ идеаловъ и ясныхъ, опредѣленныхъ перспективъ. Все это такъ. Но невольно возникаетъ вопросъ: не являются ли эти печальные факты результатомъ того, что въ общественной психологіи идетъ выработка новыхъ устоевъ, и далѣе, если это предположеніе правильно,

то возможно ли строить религіозное воспитаніе цѣликомъ на старыхъ началахъ? Авторъ статьи считаетъ это, повидимому, вполнѣ возможнымъ или, вѣрнѣе, онъ совершенно не задается этимъ вопросомъ, рекомендуя учащимся постоянное посѣщеніе церковныхъ службъ, усвоеніе всѣхъ церковныхъ обрядовъ, пѣснопѣній и проч. Что же изъ этого можетъ выйти? Дѣти, живя въ семьяхъ людей, индиферетныхъ ко всѣмъ проявленіямъ церковной жизни, окруженные атмосферой равнодушія къ представителямъ обрядовой религіозности и т. п., о чемъ говоритъ самъ г. Смирновъ, будутъ испытывать душевную раздвоенность и едва ли при такихъ условіяхъ выйдутъ дѣйствительно религіозными людьми. Для достиженія послѣдней цѣли, по нашему мнѣнію, изъ области религіи при воспитаніи дѣтей можно и слѣдуетъ брать только то, что остается болѣе или менѣе общепризнаннымъ. Таково, напр., моральное ученіе Христа или тѣ простыя и трогательныя исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, которыя оставляютъ глубокій слѣдъ въ человѣческомъ сердцѣ. Конечно, одною моралью нельзя здѣсь ограничиться. Необходимо дать душѣ ребенка и пищу эстетико-религіозную.

Въ «новыхъ школахъ» Западной Европы обращаютъ вниманіе и на эту сторону религіознаго воспитанія, устраивая хоралы, пѣснопѣнія, украшая цвѣтами и зеленью бюсты и портреты великихъ религіозныхъ реформаторовъ, и не однихъ только христіанскихъ, но и такихъ, какъ Будда, Конфуцій и проч.

Какъ это ни печально, но слѣдуетъ признать, что отрицательное отношеніе нашего общества къ церковности и къ духовенству вполнѣ понятно. Весь строй жизни нашего духовенства, приниженнаго передъ властью, готоваго санкціонировать всевозможныя реакціонныя мѣры, не можетъ не подрывать къ нимъ уваженія. Среди низшаго, особенно сельскаго духовенства, въ общемъ обездоленнаго и малообразованнаго, замѣчается нравственная распущенность, распространены ябеды, доносы и т. д. Въ

монастыряхъ, особенно богатыхъ, идетъ ничѣмъ нескрываемое обирательство бѣднаго населенія. Самыя церковныя богослуженія, особенно въ деревняхъ, съ торопливой и небрежной службой, часто производятъ далеко не эстетическое впечатлѣніе. Пусть читатели не подумаютъ, что мы умышленно сгущаемъ краски. Все это общеизвѣстные факты, не исключающіе, конечно, и того, что среди духовенства находится много высоко-почтенныхъ и глубоко-религіозныхъ людей, ведущихъ скромный и добродѣтельный образъ жизни, отъ души помогающихъ бѣдному населенію и старающихся просвѣтить его. Но существованіе всѣхъ выше перечисленныхъ явленій церковной жизни остается въ силѣ и во всякомъ случаѣ имѣетъ далеко не малое распространеніе. Теперь спрашивается: во что же обратятся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ указанныя явленія существуютъ, тѣ религіозно-воспитательныя мѣры, о которыхъ говоритъ съ такимъ благороднымъ энтузіазмомъ г. Смирновъ?

Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ другой вопросъ: кто будетъ проводникомъ того религіозно-эстетическаго воспитанія, на которомъ настаиваетъ авторъ статьи? Едва ли это можно возложить въ общемъ и цѣломъ на законоучителей. Что касается учителей низшихъ и среднихъ школъ, то вѣдь они являются, что называется, плотью отъ плоти того общества, которое характеризуется теперь какъ охваченное религіознымъ индиферентизмомъ. Много ли среди учителей найдется такихъ, которые были бы проникнуты религіознымъ вдохновеніемъ, понимали бы красоту церковныхъ обрядовъ и богослуженій, величіе храмовъ и возвышенность духовныхъ картинъ? Вѣроятно, еще меньшее число встрѣтится среди нихъ такихъ, которые могли бы заразить религіознымъ и эстетическимъ экстазомъ юные сердца и умы? А безъ всего этого всѣ воспитательныя мѣропріятія, предлагаемыя г. Смирновымъ, обратятся въ сухой формализмъ, подавляющій въ дѣтяхъ и тѣ сѣмена религіозности, которыя могли у нихъ оста-

ваться. Къ тому же можетъ случиться, что при современныхъ условіяхъ руководители нашимъ просвѣщеніемъ воспользуются религіозно-эстетическимъ воспитаніемъ для тѣхъ же цѣлей, какія они проводятъ во всѣхъ своихъ предначертаніяхъ, т.-е. для подавленія въ молодомъ поколѣніи духа свободной критики и выработки самостоятельнаго міросозерцанія.

Возникаетъ еще одинъ вопросъ: въ какомъ возрастѣ, сообразаясь съ дѣтской психологіей, слѣдуетъ начинать религіозное воспитаніе и въ какой постепенности? Эти вопросы также не затронуты авторомъ статьи.

Несмотря на все сказанное, мы полагаемъ, что помѣщеніемъ статьи г. Смирнова мы содѣйствуемъ тому, чтобы вопросы религіознаго воспитанія обратили на себя большее вниманіе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Ред.

I.

Новѣйшая постановка вопроса объ эстетическомъ воспитаніи глубоко проникнута однимъ плодотворнымъ стремленіемъ—придать ему практическій характеръ. Отсюда вытекаетъ необходимость использовать въ педагогическихъ цѣляхъ все то, что даетъ непосредственно окружающая дѣйствительность.

Не по книжкамъ, не въ музеяхъ и галлереяхъ, не путемъ заграничныхъ путешествій должны дѣти научиться постигать красоту и оцѣнивать прекрасное. Прежде всего должны быть использованы естественные ближайшіе источники. Сюда, во-первыхъ, относится природа, т.-е. жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Трепещущій лепестокъ и мерцающій лучъ звѣзды, семья шаловливыхъ котятъ и беззаботно порхающія въ солнечномъ блескѣ бабочки, рокотанье соловья и жужжанье золотистой пчелы, улица шумнаго города и тихій заброшенный уголокъ въ деревнѣ,—все должно представлять школу прекраснаго, служить пособіемъ къ постиженію красоты. Во-вторыхъ,

сюда относится человѣческая жизнь, не поскольку она проявляется въ искусствѣ, а сама по себѣ, во всемъ богатствѣ ея проявленій, въ обнаруженіяхъ духовной красоты человѣческой природы — блесткахъ героизма, нравственныхъ подвигахъ, мужествѣ, великодушіи, любви, которые можемъ подмѣчать въ ближайшихъ къ намъ людяхъ — родителяхъ, товарищахъ, прислугѣ. Здѣсь, въ обыденной обстановкѣ и обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ, «въ активномъ воспріятіи природы и человѣческой жизни», какъ выражается Лай («Экспериментальная дидактика», 410), долженъ ребенокъ получить первыя впечатлѣнія вообще и въ частности эстетически прекраснаго—полюбить красоту какъ внѣшнихъ формъ: очертаній, красокъ, звуковъ, такъ красоту возвышенныхъ проявленій человѣческой природы.

Среди близкихъ къ намъ источниковъ красоты находится и тотъ, о которомъ въ дальнѣйшемъ только и будетъ рѣчь: это — религія съ ея культомъ — богослуженіемъ, — источникъ, настолько близкій и богатый, что игнорированіе имъ въ дѣлѣ эстетическаго воспитанія дѣтей едва ли можетъ быть вполнѣ оправдано.

Но прежде—нѣсколько словъ о связи религіи и красоты.

Религія, религіозные мотивы дѣятельности, религіозное творчество въ культурной исторіи человѣчества занимаютъ необыкновенно выпуклое мѣсто. Ими освѣщаются самыя разнообразныя стороны жизни у различныхъ племенъ со всѣмъ ихъ культурно-бытовымъ своеобразіемъ. Въ особенности въ отдаленныя эпохи, когда способность къ непосредственному жизнеощущенію была какъ бы шестымъ чувствомъ человѣка, религіозный интересъ захватывалъ людей широко, многообъемлюще. И вотъ, волнуемый цѣлой гаммой переживаній отъ своекорыстнонизменныхъ до величаво-возвышенныхъ, древній человѣкъ чувствовалъ себя обязаннымъ все лучшее отдавать Божеству. Самое понятіе Божества иногда сливалось съ

понятіемъ высшей красоты, и тогда въ еще большей степени люди обязывались все прекрасное отдавать въ религіозное служеніе. Были даже цѣлые народы, какъ еврейскій, у которыхъ всякое творчество—политическое, соціальное, художественное, даже научное — всецѣло и исключительно совершалось во имя Бога, посвящалось Богу, вызываясь религіозными мотивами и имѣя цѣлью религіозныя потребности народа.

Психологически все это достаточно понятно и едва ли могло быть иначе. Высшему и лучшему, даже просто сильнѣйшему, съ чѣмъ неразрывно связалось наше собственное существованіе, если не можемъ цѣликомъ отдать самихъ себя, мы отдаемъ изъ своего самое лучшее, прекрасное. Поэтому лучшія произведенія искусства и само искусство возникли изъ религіозныхъ побужденій, развивались изъ религіозныхъ корней, вокругъ религіозныхъ интересовъ и ради нихъ. «Всѣ искусства родились въ храмѣ, подъ его покровительствомъ», по словамъ Грассери, изслѣдователя психологіи религіи (195 стр.) до хореографіи включительно. Такова фактическая связь прекраснаго (въ искусствѣ) съ религіей, если смотрѣть на эту связь въ перспективахъ исторіи. Могутъ быть, разумѣется, различныя интерпретаціи этой связи, но и изложенная—психологическая—не виситъ въ воздухѣ.

Историческія нити не обрываются разомъ, тѣмъ болѣе если прядутся онѣ изъ неизсякаемыхъ источниковъ—основъ личности. Психологія религіозности осталась по существу неизмѣнной, и все то, что отъ вѣка питало религіозное чувство, и теперь не перестало существовать. Можетъ быть, слѣдуетъ отмѣтить лишь, что въ наши дни переживанія религіознаго утончились, въ иныхъ отношеніяхъ облагородились, если подойдетъ это слово. Цѣлый рядъ мотивовъ, вызывающихъ религіозныя эмоціи у дикихъ и малокультурныхъ людей, для насъ теперь не имѣетъ такого значенія. Возможно, что это — одно изъ обстоятельствъ, объясняющихъ ростъ безрелигіозности въ куль-

турныя эпохи: поле религіозной жизни очищается и остается за истинно религіозными [1]).

Сознаніе идеальности нашей природы, безграничности моральныхъ возможностей и въ то же время обидной реальной ограниченности неизбѣжно наполняютъ томленіемъ нашъ духъ и въ 20-мъ вѣкѣ по Р. Х., какъ и въ христіанской древности, и заставляютъ вѣрить, что существуетъ реально это великое идеальное. При всемъ могущественномъ ростѣ нашей власти надъ природой чувство безусловной зависимости отъ универсума влечетъ нашу мысль и направляетъ волю къ этому Безконечно-великому, чтобы въ немъ найти опору для мысли и вѣчно колеблющейся воли. А вмѣстѣ съ этимъ неумирающее, жгучее чувство своего одиночества

„въ этомъ модномъ мірѣ, какъ въ глухой пустынѣ“...

и низменности духовной попрежнему рождаютъ въ насъ жажду единенія съ Небеснымъ и жажду искупленія, великой, неземной, но на землѣ творящейся искупляющей жертвы. Наконецъ, это необъятно великое, высшее всѣхъ нашихъ о немъ представленій, эта повсюдная тайна, дающая знать о себѣ въ каждомъ атомѣ, каждомъ біеніи нашего собственнаго пульса, влекущее къ себѣ насъ неизрекаемой прелестью повсюду — оно возбуждаетъ и въ насъ, какъ въ древнихъ, чувство проникновеннаго благоговѣнія и всецѣлой преданности.

Эти основныя психологическія пружины религіи въ историческомъ ходѣ облекаются въ извѣстныя схемы, ученія, и вотъ вокругъ такого остова религіи, одушевляемые живымъ настроеніемъ, мы попрежнему ищемъ отдать Богу своему лучшее, что у насъ есть. Какъ и предки наши, мы изъ камней строимъ величественные

---

[1]) Разумѣется, это нисколько не мѣшаетъ многимъ пользоваться религіознымъ интересомъ въ личныхъ или классовыхъ цѣляхъ, что такъ унижаетъ дѣло религіи, являясь для очень многихъ камнемъ преткновенія на пути ихъ къ религіозной вѣрѣ.

храмы, украшаемъ ихъ стѣны работами лучшихъ мастеровъ кисти, наполняемъ ихъ своды дивными гимнами, брильянтами осыпаемъ священныя ризы и золотомъ облаченія своихъ священниковъ, горящими главами вѣнчаемъ церковные куполы и, наконецъ, льемъ колокола, чтобы и холодный металлъ прозвучалъ свои воздушныя пѣсни нашему Богу..

И, сверхъ всего, мы воздвигаемъ въ сердцѣ нашемъ таинственные алтари и храмы Невѣдомому Богу: «тамъ звонъ,—какъ говоритъ литейщикъ Генрихъ,—

Тамъ звонъ изъ лучшаго металла,
Онъ самъ собой звучитъ, звенитъ, поетъ"...

Звонъ этотъ—наша жизнь съ ея порывами къ добру и свѣту. съ ея творящей силой, рождающей прекрасное въ проявленіяхъ нашей мысли, воли, чувства...

Чѣмъ глубже захватываютъ насъ отмѣченныя переживанія, тѣмъ разнообразнѣе. сложнѣе проявленія нашего религіознаго творчества, тѣмъ богаче символикой нашъ культъ и тѣмъ разубраннѣе наши символы. И совокупность всего, чѣмъ выражается религіозная жизнь—обряды, символическіе знаки и дѣйствія, вся богослужебная обстановка, то, что вообще зовется культомъ, и потомъ то, чѣмъ вызывается все это, самыя переживанія религіознаго характера,—все это и есть тотъ близкій и чрезвычайно богатый источникъ эстетическихъ воспріятій, который долженъ быть использованъ на ряду съ другими средствами эстетическаго воспитанія.

Разумѣется, нельзя отрицать, что въ области религіознаго культа, такъ сказать. въ орнаментировкѣ обряда, иногда попадается много грубаго, наростовъ неэстетическихъ. Порой просто качество замѣняется количествомъ, и богатство становится на мѣсто красоты. Здѣсь, какъ и повсюду, средство часто превращется въ цѣль, а живое творчество замѣняется бездушнымъ трафаретомъ. Но и за вычетомъ всѣхъ минусовъ все же остается весьма до-

вольно положительнаго эстетическаго содержанія, чтобы о немъ говорить, игнорируя указанные минусы.

О дѣтяхъ ранняго возраста, трехъ-четырехъ лѣтъ, конечно, трудно утверждать, что они обладаютъ эстетическимъ вкусомъ; ихъ способность къ эстетическимъ эмоціямъ вообще крайне слаба. Тѣмъ не менѣе у большинства дѣтей уже на второмъ году замѣчается элементарное эстетическое чувство, склонность къ эстетическимъ интересамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ замѣчаетъ Селли, «любовь къ красивому развивается раньше, чѣмъ успѣла проявиться самостоятельная склонность къ искусству»(336).

Понятно, въ возрастѣ ранняго дѣтства эстетическое воспринимается исключительно въ формахъ зрительныхъ и слуховыхъ и притомъ въ самыхъ элементарныхъ видахъ, если въ особенности воспринимаемое — картина, мелодія—поражаетъ своей новизной, яркостью; контрастныя впечатлѣнія трехлѣтнему доставляютъ видимое эстетическое наслажденіе. Если первичный корень эстетически-пріятныхъ переживаній покоится въ физіологіи, на принципѣ ритма раздраженій, то въ данномъ возрастѣ мы имѣемъ въ извѣстномъ смыслѣ наиболѣе чистыя эстетическія переживанія—въ смыслѣ ихъ элементарности, независимости отъ какихъ-либо сопутствующихъ переживаній. Но въ то же время объемъ этихъ переживаній слишкомъ ограниченъ. Дѣти же болѣе старшаго возраста, 5 — 6 лѣтъ, не говоря о 8 — 9-лѣтнихъ, обнаруживаютъ уже рѣзко выраженное стремленіе подмѣчать красивое, любоваться имъ, понимать его. У нихъ появляются любимыя, именно со стороны красоты, куклы, игрушки, цвѣты, мелодіи, создаются эстетическія привязанности. Это подмѣчено даже на 4 году, когда ребенокъ начинаетъ говорить: «мой цвѣтъ» (Селли). Я самъ наблюдалъ, какъ одинъ трехлѣтній изъ двухъ игрушечныхъ медвѣдей, совершенно похожихъ одинъ на другого, купленныхъ для него и его двухлѣтняго брата, упорно симпатизировалъ только одному, съ негодованіемъ отбрасывая другого,

если тотъ попадался ему въ руки. Для взрослыхъ было непонятно это своеобразное пристрастіе. Но какъ-то случайно ребенокъ самъ далъ замѣтить, что его медвѣдь имѣлъ болѣе симпатичное лицо: глаза у него были поставлены симметричнѣе; эстетическія преимущества и опредѣлили выборъ.

Въ эстетическихъ переживаніяхъ возраста 6—9 л. можно уже выдѣлять разнообразныя сопутствующія эмоціи моральнаго. интеллектуальнаго свойства. но эстетическій моментъ все же является для нихъ наиболѣе характернымъ. Эстетическія наклонности теперь возбуждаютъ дѣтей къ самостоятельному творчеству въ самыхъ разнообразныхъ видахъ — въ формѣ игръ, гдѣ особенно обнаруживается естественное стремленіе къ граціи, изящному въ движеніяхъ,—въ пѣніи, рисованіи, выборѣ уютныхъ, красивыхъ по-своему уголковъ для забавы, въ стремленіи украсить возможно богаче и разнообразнѣе любимые предметы, игрушки, тѣ же уголки. Теперь не только уже контрастныя и яркія впечатлѣнія возбуждаютъ эстетическія эмоціи; но область эстетическихъ воспріятій значительно расширяется, и эстетическая жизнь возрастаетъ какъ въ своей экстенсивности, такъ и интенсивности. Ребенокъ начинаетъ подниматься ступенью выше животныхъ, которымъ по преимуществу доступны недифференцированныя, элементарныя эстетическія переживанія; по мѣрѣ опыта они осложняются. Чувства ласки, уваженія, возвышеннаго, величественнаго, грознаго и нѣжнаго начинаютъ тѣсно переплетаться съ элементомъ просто эстетически-пріятнаго, давая разнообразныя окраски переживаніямъ ребенка, какъ специфически человѣческимъ.

Вотъ въ этотъ-то періодъ роста эстетической жизни ребенка необходимо позаботиться объ обогащеніи его сознанія новыми и новыми опытами въ области эстетическихъ воспріятій, чтобы они шире, разностороннѣе переживали доступныя ихъ возрасту эстетическія эмоціи, упражняя и воспринимающіе аппараты и свое сознаніе.

Какъ разъ религіозный культъ и представляетъ собой эстетическія формы, наиболѣе легко воспринимаемыя дѣтскимъ сознаніемъ, но дающія содержаніе одновременно не только для простыхъ, а также и для сложныхъ чувствованій. Вполнѣ понятно само собой, что разграниченіе эстетическихъ воспріятій на элементарныя и сложныя можетъ быть только условнымъ и весьма относительнымъ, чисто теоретическимъ; провести фактическую границу между ними не представляется возможности. И въ эстетическихъ воспріятіяхъ, получаемыхъ со стороны религіознаго культа, дѣленіе ихъ на двѣ группы также условно. Но сдѣлать его необходимо чисто въ техническихъ цѣляхъ удобства разсмотрѣнія вопроса. Сначала поэтому будемъ имѣть въ виду наиболѣе элементарныя воспріятія. Въ религіозномъ культѣ необыкновенно много красоты вкладывается въ краски, звуки, движенія. Обиліе художественныхъ изображеній, живописныхъ иконъ, представляющихъ и отдѣльныя фигуры и цѣлыя сцены; орнаментировка—лѣпная, рѣзная, живописная, дающая фантастическіе узоры, оригинальныя формы и фигуры или пеструю игру цвѣтовъ—все это матеріалъ, прежде всего дающій пищу элементарнымъ эстетическимъ эмоціямъ. Для дѣтей здѣсь великолѣпная школа: они учатся вглядываться, замѣчать и воспринимать новыя сочетанія тоновъ, игру красокъ. Извѣстно, что церковная живопись не всегда отличается высокой техникой; иногда, стилизованная, она бываетъ слишкомъ условной. И если эта сторона часто отталкиваетъ отъ себя взрослыхъ, людей изысканнаго вкуса, утонченнаго на созерцаніяхъ высшихъ произведеній искусства, то дѣтскіе запросы найдутъ въ нихъ свое полное удовлетвореніе. Но на первоначальныхъ ступеняхъ дѣтства не столько иконная живопись можетъ занимать дѣтей, сколько аксессуары украшеній. Церковный орнаментъ въ этомъ отношеніи особенно важенъ. Не выражая собой какихъ-либо отвлеченныхъ идей, своей причудливостью онъ даетъ богатую пищу дѣтскому

воображенію, будитъ эстетическія эмоціи, обогащаетъ опытомъ, наиболѣе отвѣчая дѣтскимъ эстетическимъ интересамъ. Я ранѣе назвалъ эстетику церковныхъ красокъ школой. Но эта школа совсѣмъ не то же, что музей или галлерея. Какъ для малоразвитого человѣка не существуетъ искусства для искусства, такъ и вниманіе ребенка трудно остановить на произведеніяхъ, совершенно чуждыхъ элемента полезности. Между тѣмъ въ храмѣ, повидимому, безцѣльная игра цвѣтами для неразвитого сознанія все же имѣетъ полное оправданіе и смыслъ въ своемъ служебномъ значеніи. На извѣстныхъ ступеняхъ развитія сознанія это условіе для принятія красоты для наслажденія ею необходимо. Такимъ путемъ оно проходитъ первыя ступени къ пониманію чистаго искусства.

Изъ культовыхъ впечатлѣній, мнѣ думается, особенно важное значеніе должно имѣть само богослуженіе, процессъ службы. Имѣю въ виду торжественную важность, съ какой совершается богослуженіе, и вытекающія отсюда плавность, размѣренность движеній, служащихъ при замѣтно замедленномъ темпѣ и приспособленіи къ нему голосовыхъ модуляцій. Въ храмѣ водворяется во время службы своеобразный моторный ритмъ, всю опредѣленную стильность котораго такъ сразу чувствуешь, когда входишь въ храмъ съ улицы. Этотъ ритмъ, гармонизованный съ рядомъ зрительныхъ впечатлѣній—отъ величавыхъ облаченій, падающихъ безъ мелочныхъ суетливыхъ извивовъ широкими потоками съ плечъ священнослужителей, слуховыхъ—отъ звона кадильницы, рождаемаго плавными взмахиваніями служащаго, отъ протяжныхъ эктенійныхъ моленій и возгласовъ священника—этотъ ритмъ создаетъ цѣльное и яркое впечатлѣніе красоты законченной, завершонной, воплотившейся въ пластическихъ формахъ. Въ условіяхъ созиданія этой красоты надо учитывать всѣ детали: характеръ облаченій имѣетъ значеніе въ данномъ случаѣ не меньшее, чѣмъ способъ произношенія или чтенія. Все здѣсь подчинено одному принципу—

плавной важности, строгой мѣрности—и своимъ сочетаніемъ создаетъ единую картину. Но не только все цѣлое службы оставляетъ именно такое впечатлѣніе, а также и отдѣльные, въ особенности нѣкоторые опредѣленные моменты. Припомните, напр., моменты изъ литургіи—выходы съ Евангеліемъ, съ Дарами, послѣ Херувимской пѣсни, въ обычномъ, а еще лучше архіерейскомъ служеніи. Эти картины, независимо отъ внутренняго содержанія, своей чисто внѣшней красотой,—красотой согласованности элементовъ живого, величаваго ритма производятъ весьма сильное впечатлѣніе на присутствующихъ въ храмѣ и прямо очаровываютъ людей, непосредственно воспринимающихъ богослужебное «дѣйство». Что же касается дѣтей, то вѣдь они наиболѣе чутки именно къ ритму движеній. Ничто другое не даетъ имъ такого опредѣленнаго удовлетворенія, какъ законченность, опредѣленность движеній, ритмичность дѣйствій, вызывающая ритмичныя раздраженія. Они такъ любятъ размѣренность, послѣдовательность идущихъ одно за другимъ воспріятій. Колыбельная пѣснь, ряды игръ родятся изъ этихъ особенностей дѣтскихъ симпатій. Эта именно сторона въ богослуженіи для дѣтей, усиливаемая и осложняемая привходящими эмоціональными элементами—очень важный и своеобразный источникъ эстетическихъ воспріятій.

Въ тѣсной связи съ ритмомъ движеній стоитъ опредѣленный характеръ церковнаго пѣнія. Своимъ своеобразіемъ оно дополняетъ общую картину богослуженія, являясь существенной, гармонически въ него вплетающейся частью цѣлаго. Отдѣлять одно отъ другого и здѣсь можно только въ цѣляхъ большаго удобства обслѣдованія. Богослужебные мотивы,—возьмете ли вы самые простые, обыденные напѣвы «на гласы», исполняемые простымъ псаломщикомъ, или гармонизованныя мелодіи — партесное пѣніе—за ничтожными исключеніями—представляютъ совершенно особый міръ звуковъ, лишь немногіе отголоски котораго изрѣдка слышатся въ народныхъ пѣсняхъ ста-

ринаго типа или въ музыкальныхъ произведеніяхъ лучшихъ композиторовъ. Тутъ все, отъ формы—техническаго строенія, до содержанія—идей и настроеній—своеобразно оригинально, часто величаво-торжественно, часто трогательно-печально, то необычайно просто, то вычурно-сложно и почти всегда неизмѣнно прекрасно.

Здѣсь позволю себѣ привести слова С. А. Рачинскаго, этого вдумчиваго педагога и глубокаго знатока музыки. Онъ говоритъ: «Есть ли надобность передъ людьми, обладающими хоть тѣнью музыкальнаго чутья, настаивать на несравненной красотѣ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ? Есть ли нужда читателю, хоть сколько-нибудь знакомому съ нашимъ богослуженіемъ, напоминать о ихъ неисчерпаемомъ разнообразіи? Тому, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго озаренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому доступны и Бахъ и Палестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки» («Народное искусство и сельская школа»). Эти слова Рачинскаго идутъ безконечно дальше тѣхъ предѣловъ эстетическаго использованія богослужебнаго пѣнія, о которомъ идетъ рѣчь у насъ. Но изъ нихъ видно, какъ на самомъ дѣлѣ серьезна затронутая тема и, слѣдовательно, съ какой настойчивостью можно и должно пропагандировать мысль о широкомъ доступѣ дѣтей къ воспріятію церковныхъ мелодій. Кстати сказать, самъ Рачинскій говоритъ о церковномъ пѣніи въ связи съ вопросомъ о необходимости дѣтямъ школьнаго возраста 8—10 лѣтъ активно участвовать въ богослуженіи въ качествѣ клиросныхъ пѣвцовъ.

До сихъ поръ мы говорили о различныхъ отдѣльныхъ сторонахъ религіознаго культа. Но трудно сказать, чему въ эстетическихъ впечатлѣніяхъ отъ религіознаго культа слѣдуетъ отдавать предпочтеніе: этимъ ли частичнымъ воспріятіямъ въ области формъ, звуковъ, или впечатлѣнію, получаемому сразу отъ цѣлаго—какъ богослуженія,

такъ картины храма. Правда, въ данной области очень много невыясненнаго и является еще спорнымъ вопросъ, что и какъ легче дѣти воспринимаютъ. По мнѣнію, напр., Меймана, основанному на данныхъ различныхъ изслѣдователей, до 12-лѣтняго возраста дѣти неспособны къ синтезирующей дѣятельности. «У дѣтей до 12-лѣтняго возраста,—говоритъ онъ,—въ различной степени, въ зависимости отъ возраста, отсутствуетъ способность объединять, синтезировать отдѣльныя воспріятія въ общія впечатлѣнія. Вниманіе дитяти приковывается къ частностямъ, объединеніе въ одну общую картину не поспѣваетъ у него за воспріятіемъ отдѣльныхъ подробностей» («Лекціи по экспер. педаг.», ч. 1-я). Съ такой точки зрѣнія, понятно, не можетъ быть и рѣчи о воспріятіи дѣтьми цѣлаго службы или картины храма.

Съ утвержденіями Меймана до извѣстной степени можно соглашаться; вѣдь дѣти не обладаютъ развитымъ активнымъ вниманіемъ, а лишь пассивнымъ и, значитъ, находятся почти всецѣло во власти внѣшнихъ раздраженій; съ другой стороны вообще не обладаютъ достаточной широтой кругозора и въ физическомъ, и въ психологическомъ смыслѣ. Однако есть данныя, которыя противорѣчатъ излагаемому мнѣнію.

Между способностью воспріятія и творчествомъ существуетъ глубокая внутренняя связь въ формѣ извѣстнаго параллелизма. Между прочимъ въ проявленіяхъ самостоятельнаго творчества, напр., въ рисованіи, какъ разъ дѣти очень бываютъ не склонны воспроизводить только элементы вещей. Чаще всего они сразу изображаютъ цѣлый предметъ, полную картину, никогда не оставляя рисунокъ незавершеннымъ [1]). Укажу еще на

[1]) „Ребенокъ всегда даетъ рисунокъ цѣльный и законченный. Заботясь о выраженіи при помощи рисунка извѣстнаго содержанія, мысли или чувства, ребенокъ быстро справляется съ техническими затрудненіями и непремѣнно доводитъ сразу рисунокъ до конца“ (Румянцевъ: „Искусство въ жизни ребенка“).

американскій методъ обученія грамотѣ. Нашъ методъ, европейскій—аналитико-синтетическій; при чемъ дѣло обученія начинается именно съ анализа, строясь на этомъ принципѣ, съ расчлененія цѣлаго—рѣчи—на элементы: слова, слоги, звуки, буквы. Американскіе педагоги на томъ основаніи, что природа дѣтскаго воспріятія не аналитическая, а синтетическая, что они легче, быстрѣе схватываютъ цѣлое, именно какъ цѣлое, безъ дробленія его на воспринимаемые элементы, идутъ въ обученіи грамотѣ обратнымъ съ нами путемъ. изучаютъ не буквы-звуки, а сразу цѣлыя фразы и слова (Янжулъ: «Американская школа»). Громадный успѣхъ этого метода доказываетъ, что онъ глубоко психологиченъ. А онъ покоится какъ разъ на принципѣ, противоположномъ утвержденію Меймана. Сошлюсь, наконецъ, на авторитетъ Селли, достаточно изучавшаго дѣтскую психологію. Онъ отмѣчаетъ у дѣтей «способность схватить сразу цѣлую группу признаковъ. Наблюденія дѣтей, по его словамъ, часто бываютъ поразительно полны и точны... Отдаваясь время отъ времени всепоглощающему наблюденію, ребенокъ, одаренный природнымъ умомъ, иногда удивительно приближается къ тому высшему роду наблюденій, точныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обширныхъ, который нѣсколько иными путями приводитъ къ научнымъ открытіямъ и художественному воспроизведенію» («Очерки по психологіи дѣтства», стр. 82) [1]. Истина въ данномъ случаѣ, какъ и въ

[1]) Въ данномъ вопросѣ представляется любопытнымъ результатъ изслѣдованій М. П. Никитина, произведенныхъ имъ въ психол лабораторіи душевныхъ и нервныхъ болѣзней проф. Бехтерева надъ процессомъ образованія зрительныхъ воспріятій. Раздѣляя „эмбріологическія“ воспріятія по мѣрѣ ихъ роста на рядъ ступеней, 6-ю ступень, на которой возникаетъ въ первый разъ представленіе о воспринимаемомъ предметѣ, идея его, Никитинъ считаетъ существенно и исключительно важной. Только съ этой ступени будетъ начинаться собственно воспріятіе, а она характеризуется схватываніемъ предмета, т.-е. цѣлаго, въ смутныхъ очертаніяхъ котораго въ дальнѣйшемъ съ возрастающей быстротой начинаютъ опредѣляться де-

другихъ, можетъ быть, лежитъ посреднѣ: и до десятилѣтняго возраста дѣти разнообразно, капризно реагируютъ на раздраженія; часто не видятъ цѣлаго, схватываютъ лишь элементы и не менѣе часто схватываютъ цѣлое какъ цѣлое; можетъ быть, не слѣдуетъ дѣлать особеннаго перевѣса ни въ ту, ни въ другую сторону. Фактъ же, въ силу котораго послѣ 11—12 лѣтъ особенно выдѣляется синтезирующій характеръ дѣтскихъ воспріятій, объясняется не столько свойствами переживаемаго дѣтьми момента, сколько можетъ быть тѣмъ обстоятельствомъ, что они теперь начинаютъ очень широко видѣть по сравненію съ раннѣйшимъ возрастомъ, въ состояніи схватывать обширныя по объему картины, ландшафты, мелодіи, сцены. А эта узость кругозора ранняго дѣтства группой наблюдателей, къ которымъ принадлежитъ и Мейманъ, истолковывается какъ принципіальное отсутствіе или слабость синтезирующаго начала.

На основаніи изложеннаго, думается мнѣ, необходимо считаться съ наличностью у дѣтей обоихъ типовъ воспріятія и вообще и по отношенію къ трактуемому вопросу: внѣшняя сторона религіи и до двѣнадцатилѣтняго возраста должна быть использована не только въ элементахъ, но и какъ цѣлое. Можно лишь въ виду сказаннаго сдѣлать оговорку: такъ какъ это цѣлое и со стороны зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій представляетъ картину очень широкаго масштаба, то она будетъ мало доступна дѣтямъ 5—7-лѣтняго возраста, но главнымъ образомъ болѣе старшимъ—10—12-тилѣтнимъ, точно такъ же, какъ вообще болѣе сложныя чувствованія дѣлаются доступными постепенно, по мѣрѣ опыта. Съ этой стороны, по моему мнѣнію, культъ и все, что съ нимъ свя-

---

тали. Всѣ предшествующіе стадіи воспріятія оказываются съ этимъ первичнымъ возникновеніемъ идеи предмета какъ бы излишними, „процессъ какъ бы возвращается къ своему началу“. Роль этого представленія есть роль апперцептивной массы („Вѣстникъ псих.“, 1905, вып. 2. „Къ вопр объ образованіи зрит. воспріятій“, 118—119).

зано, даетъ чрезвычайно богатый источникъ эстетическихъ впечатлѣній. Возьмите хотя бы только внѣшній видъ храма:

Среди дубравы блеститъ крестами
Храмъ пятиглавый съ колоколами;
Ихъ звонъ призывный черезъ могилы
Гудитъ такъ дивно и такъ уныло...

Вотъ четверостишіе, встрѣчающееся въ старыхъ хрестоматіяхъ. Для дѣтскаго пониманія здѣсь схвачена достаточная, ярко очерченная картина.

Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, когда воспріятіе охватываетъ обширное поле, детали — красивые изломы линій, фигуры и рельефы, игра свѣта и тѣней—тонутъ въ очаровывающемъ впечатлѣніи отъ цѣлаго. Величественныя очертанія храма, уже массивностью своей внушающаго нѣкоторое благоговѣніе, блещущіе кресты, какъ будто купающіеся въ лазури и золотомъ ослѣпляющіе глаза, эти вѣтвистыя липы, хранящія въ своей сѣни могильныя плиты, и беззаботные стрижи, рѣющіе въ звукахъ многоголосаго звона,—соединеніе этихъ элементовъ создаетъ великолѣпную картину, способную очаровать. Родящееся отсюда впечатлѣніе есть нѣчто иное, чѣмъ результатъ простого сочетанія ряда ощущеній зрительно-слуховыхъ, изъ которыхъ каждое въ состояніи пробудить опредѣленныя эмоціи. Здѣсь чаруетъ именно цѣлое. Подобно организму, оно не есть только сумма своихъ частей; оно носитъ элементы прекраснаго, не данные въ его частяхъ. И дѣтямъ надо открывать эту сторону. Трудно рѣшать вопросъ, *въ какой степени* чутки дѣти ранняго возраста къ такого рода суммарнымъ, цѣлостнымъ воспріятіямъ.

Но очень часто излюбленной темой дѣтскаго рисунка является «цеква», «біямо-бомъ»; а въ этихъ рисункахъ можно различать всѣ основные элементы цѣлаго: и колокольню съ колоколами, и деревья, и птицъ въ воздухѣ, и тутъ же звонаря, дергающаго за веревку. Этотъ фактъ говоритъ въ пользу развиваемаго взгляда.

Мнѣ кажется, что произведенія религіозной архитектуры—городскіе соборы и деревенскія церковки — даютъ необыкновенное разнообразіе эстетическаго содержанія; только надо умѣть подмѣчать моменты, когда картина вырисовывается во всемъ своемъ великолѣпіи, и на этихъ моментахъ сосредоточивать дѣтское вниманіе. Тогда можно зародить въ нхъ сознаніи дивныя впечатлѣнія. И я не знаю, гдѣ нхъ можно болѣе найти. Ихъ одинаково много и въ столицѣ, и въ глухомъ захолустьи провинціи. Ихъ можно улавливать и въ свѣжемъ блескѣ майскаго утра, и въ часы мечтательной лунной ночи, и вечеромъ, въ минуты молитвы, когда таинственными огнями свѣтятся въ сумракѣ высокія окна храма, а колокола гудятъ и ликуютъ гдѣ-то въ выси, и въ часы церковнаго покоя, когда въ задумчивомъ величіи молчаливо высится храмъ надъ суетящейся человѣческой толпой, или среди деревенской тишины онъ одинъ бодрствуетъ, оглашая печальныя окрестности дребезжащимъ металлическимъ звономъ.

Тоже и внутри храма. Когда съ шумной улицы отъ будничныхъ интересовъ быстро бѣгущаго дня переступаешь порогъ храма, сразу открывается новый, своеобразный міръ. Всѣ детали культа гармонируются въ одно цѣлое, и васъ охватываетъ очарованіе иной, неуличной красоты.

И стройно клирное
Несется пѣніе;
И дьяконъ мирное
Творитъ глашеніе
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся;
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ густой
Висѣлъ отъ ладана...
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится...

Стихотвореніе — тоже изъ дѣтской хрестоматіи. Здѣсь, въ особенности въ вечернемъ богослуженіи, все полно мягкой, но выразительной, стильной красоты. И этотъ

нависающій полумракъ, такъ таинственно собирающійся въ куполѣ, совершенно заткавшій собой очертанія Господа Вседержителя, но безсильный опуститься къ молчаливой, благоговѣйной толпѣ; и эти мерцающія лампады, бросающія бѣглыя, элегическія тѣни на темные лики и играющія мягкими лучами въ золотѣ украшеній, и бѣлыя свѣчи, молчаливо, слегка колеблющимся пламенемъ тающія на высокихъ подсвѣчникахъ, и голосъ священника, пѣвуче несущійся откуда-то далеко, изъ окутаннаго тѣнями алтаря, и дымъ кадильный, застилающій бѣлымъ туманомъ огни, и пѣніе клирное—все полно цѣльнаго настроенія, гармонично сливается въ картину законченную, ярко-опредѣленную. А какъ богато, разнообразно настроеніе церковныхъ службъ, то настроеніе, которое создается и выражается сочетаніемъ искусно подобранныхъ внѣшнихъ элементовъ, аксессуаровъ культа. Передъ вами то черныя ризы и рыдающіе аккорды похороннаго обряда, то свѣтлые тоны воскресной литургіи или ликованіе вѣнчальнаго чина, то печальныя краски великопостной службы и трагически-мрачный колоритъ страстной недѣли, то вербная ночь и четверговые огни и выносъ плащаницы, а то очаровательно контрастное ликующее пасхальное утро съ непрестанными возгласами. «Христосъ воскресъ!», съ поцѣлуями, краснымъ яичкомъ и несмолкаемымъ колокольнымъ звономъ, это поистинѣ свѣтозарное, свѣтоносное полуночное утро,—передъ вами цѣлая сложная гамма разнородныхъ эстетическихъ воспріятій, даваемыхъ «богослужебнымъ кругомъ».

Можно замѣтить, что такого рода эстетическія переживанія чрезвычайно сложны и уже только поэтому мало доступны дѣтскому возрасту. Это, конечно, справедливо. Но богослужебная красота складывается изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и относительно ея можно сказать болѣе, чѣмъ о всякомъ иномъ источникѣ: каждый беретъ изъ него то, что онъ можетъ взять. И дѣти должны брать, что они въ состояніи. Я приведу изъ собствен-

наго опыта одинъ фактъ, впрочемъ, касающійся не области непосредственно религіозно-эстетическихъ воспріятій. но относящійся къ сферѣ отраженій. Въ періодъ обученія въ начальной школѣ (на 9 году) мнѣ чрезвычайно нравились разсказы изъ «Родного Слова» Ушинскаго, посвященные великопостной и пасхальной службѣ: они оживляли въ сознаніи мои личныя переживанія. Разбираясь въ настоящій моментъ въ этихъ эмоціяхъ. я нахожу, что религіозный элементъ въ нихъ былъ очень слабымъ, преобладалъ же элементъ эстетическій. Послѣ начальной школы я періодически возвращался къ «Родному Слову», вспоминая объ удовольствіи, доставленномъ когда-то этой книжкой: отыскивалъ потрепанную книжку и вновь перечитывалъ ея разсказы. Я хорошо помню. что 13 лѣтъ я уже не удовлетворялся пробуждавшимися эмоціями, ранѣе такъ полно захватывавшими меня; въ слѣдующій разъ они удовлетворяли меня еще менѣе. Я заключаю отсюда, что тѣ эстетическія эмоціи, какими жилъ я 9 лѣтъ, вновь пробуженныя, уже не удовлетворяли меня, потому что не соотвѣтствовали моему новому позднѣйшему опыту. онѣ были узки, односторонни, элементарны. Но, прибавлю я еще, для девяти лѣтъ онѣ были вполнѣ достаточны и весьма сложны.

Здѣсь слѣдуетъ особенно подчеркнуть ту мысль, что дѣтямъ *надо показывать* эстетическія стороны окружающей жизни, активно заботиться объ обогащеніи ихъ психики опытомъ, а не только не мѣшать естественному теченію обстоятельствъ. Взрослые сами для себя должны сначала подмѣчать картины, прояснять ихъ типическій характеръ и показывать дѣтямъ. Дѣти бываютъ иногда подобны слѣпымъ; имъ надо открывать глаза. И здѣсь, какъ вездѣ въ воспитаніи, старшіе должны возможно полнѣе использовать свою привилегію старшихъ—внушеніе.

Но это не только привилегія; это—обязанность, долгъ У нѣкоторыхъ ученыхъ существуетъ взглядъ на самый прогрессъ въ развитіи искусства и эстетическихъ вку-

совъ, какъ на результатъ своеобразнаго внушенія, идущаго со стороны художниковъ на общество черезъ произведенія искусства: «искусство должно открывать глаза» Лай); «смотри сюда и учись, какъ нужно разсматривать природу!» (Гроосъ), говоритъ художникъ рядовому человѣку, выставляя свои произведенія.

Взрослые подобнымъ образомъ должны переливать эстетическое содержаніе своей психики въ сознаніе дѣтей, открывать предъ ними картины красоты, подчеркивая эстетическія стороны.

Приведу еще одно соображеніе въ пользу необходимости обогащать дѣтскую психику запасомъ эстетическихъ воспріятій и именно отъ цѣльныхъ внѣшнихъ картинъ. Это важно для возбужденія прочныхъ чувствъ привязанности къ родной землѣ. Мы всѣ немного излишніе космополиты. Но виной этому не недостатокъ внушенія патріотическихъ мыслей — можетъ быть, намъ слишкомъ настойчиво внѣдряютъ любовь къ отечеству; причина этого—скорѣе именно недостатокъ эстетическихъ привязанностей къ родинѣ, какъ результатъ недостатка въ эстетическихъ внушеніяхъ. Мы не выучиваемся цѣнить и любить свои родныя поля, эти бѣдные пейзажи; мы просто не замѣчаемъ, не видимъ ихъ; насъ не тянетъ къ себѣ скромная красота нашей деревни—

Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали". (Бальмонтъ.)

И дивная элегія

Вечерній звонъ, вечерній звонъ,
Какъ много думъ наводитъ онъ...

не у всякаго будитъ гармоническіе отзвуки въ его душѣ.

II.

Заговоривъ о богослужебныхъ настроеніяхъ, я зашелъ нѣсколько далѣе намѣченныхъ ранѣе предѣловъ—къ иному

источнику богослужебной красоты, рождающейся изъ его содержанія. Я уже указывалъ ранѣе, что разграниченіе простыхъ воспріятій отъ сложныхъ невозможно. Но все же эта область сложныхъ эстетическихъ переживаній нуждается въ самостоятельномъ обсужденіи.

Оставимъ здѣсь открытымъ вопросъ, въ какой степени извѣстнымъ религіознымъ представленіямъ отвѣчаетъ опредѣленная объективная реальность и, слѣдовательно, насколько религіозныя переживанія цѣнны въ объективномъ и метафизическомъ смыслѣ. Будемъ хотя бы стоять на точкѣ зрѣнія американскаго прагматизма или держаться нѣмецкой школы неокантіанцевъ, которые оцѣниваютъ религіозныя переживанія съ ихъ субъективной, психологической стороны. Это — цѣнности, по которымъ тоскуетъ душа, это—благо, которое существенно принадлежитъ генію человѣчества и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Субъективно, въ предѣлахъ личнаго сознанія, и болѣе—въ предѣлахъ сознанія человѣчества вообще, религія и религіозныя переживанія съ такихъ точекъ зрѣнія могутъ быть оцѣниваемы не ниже, чѣмъ научныя пріобрѣтенія. Но я думаю, впрочемъ, нѣтъ особенной нужды обращаться къ какой-либо философской теоріи, чтобы признать опредѣленную, напр., моральную цѣнность за религіозными переживаніями. Едва ли кто станетъ отрицать возвышенность такихъ, напр., религіозныхъ переживаній, какъ чувство благоговѣнія къ Божеству, умиленія передъ Его величіемъ, любви къ Нему, какъ виновнику всего существующаго, какъ осуществленному идеалу. Это — исключительно человѣческія переживанія. Властно захватывая его духовный міръ, они расширяютъ содержаніе его душевной дѣятельности и возвышаютъ, просвѣтляютъ его. Едва ли стоитъ упоминать здѣсь и о детальномъ содержаніи богослуженія, подробностяхъ тѣхъ темъ, которыя символически—въ обрядахъ и въ рядѣ словесныхъ формулъ—въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, разрабатываются на богослуженіи. Личность Христа, какъ

Искупителя, является центральной въ богослужебномъ содержаніи; данныя Его земной жизни разрабатываются церковной символикой. Библейское ветхозавѣтное ученіе и содержаніе евангелій съ прочими апостольскими писаніями даютъ все разнообразіе морально-идейныхъ мотивовъ, или непосредственно входя составной частью въ богослуженіе, или являясь источникомъ, изъ котораго почерпали свое вдохновеніе творцы церковныхъ пѣсенъ и молитвъ. Было бы, конечно, странно услышать, что содержаніе богослужебныхъ образовъ или характеръ идей и настроеній, порождаемыхъ этими образами и идеями, носятъ низменный характеръ, такъ что соприкосновеніе съ ними можетъ унижать человѣка.

Задача воспитанія вообще сводится къ тому, чтобы изъ ребенка, этого маленькаго звѣреныша, сдѣлать человѣка. Эстетическое воспитаніе преслѣдуетъ тѣ же цѣли, иначе оно теряетъ всякій смыслъ. Неронъ, живыми факелами освѣщающій свои сады, любующійся картиной пожара подожженнаго имъ Рима — моральный уродъ и эстетическіе интересы не дѣлаютъ его личность цѣннѣе въ нашихъ глазахъ. Художникъ-истязатель кошекъ не внушаетъ въ насъ къ себѣ довѣрія какъ интеллигентъ, и мы подозрительно относимся къ его эстетизму. Это не подрываетъ того принципа, что красота сама по себѣ прекрасна и самоцѣнна. Но эстетическій міръ можетъ быть использованъ неправильно, односторонне или оказаться совсѣмъ неиспользованнымъ. Красота дѣйствуетъ на душу облагораживающимъ образомъ, расширяетъ внутреннее могущество духа, независимо отъ навязываемыхъ ей отвнѣ цѣлей. Какъ выраженіе гармоніи между идеей и формой, какъ осуществленное совершенство, она насъ неизмѣнно зоветъ къ идеальнымъ возрастаніямъ, къ совершенству. Но надо, чтобы воспитаніе было дѣйствительно таковымъ—дѣйственнымъ,—т.-е. это свойство прекраснаго должно быть оцѣнено съ точки зрѣнія руководящихъ цѣлей воспитанія, должно быть сознательно вы-

дѣлено и использовано воспитателемъ, какъ могущественный факторъ духовнаго развитія. Даже когда мы пріучаемъ ребенка подмѣчать эстетическое въ природѣ, мы и тогда должны сумѣть заставить ребенка возможно полнѣе почувствовать красоту, чтобы онъ и въ данномъ случаѣ пережилъ своеобразное впечатлѣніе совершенства.

Тѣмъ значительнѣе, цѣннѣе, и особенно въ воспитательномъ отношеніи, проявленія красоты не въ простомъ сочетаніи цвѣтовыхъ или звуковыхъ элементовъ, а въ обнаруженіяхъ духовной человѣческой природы, когда эстетическое и этическое сливаются въ неразъединимой гармоніи. И какъ разъ всѣ истинно человѣческія переживанія превращаютъ носителя ихъ въ нѣчто большее, чѣмъ носитель — въ живого творца красоты, красоты высшаго типа. Религіозныя переживанія цѣликомъ относятся сюда же. Не только субъективно, индивидуальнымъ сознаніемъ они оцѣниваются чрезвычайно высоко, но эта сторона ихъ—самоцѣнность для человѣка—неизбѣжно выражается и объективно, вовнѣ. Вотъ человѣкъ, погруженный въ религіозное созерцаніе, ушедшій въ таинственное переживаніе мистическихъ воспріятій, просто молящійся. Христосъ въ пустынѣ — на картинѣ Крамского. Развѣ подобная картина заключаетъ въ себѣ хотя одну іоту чего-либо отталкивающаго. Наоборотъ, не есть ли это одна изъ наиболѣе обаятельныхъ для глаза картинъ, влекущая къ себѣ всѣ наши симпатіи, совершенно независимо отъ того, можемъ ли мы сами въ настоящій моментъ переживать подобныя состоянія. Передъ нами — чистое золото и внутренно этого не признавать мы не можемъ.

Созерцаніе молящейся толпы, видъ строгихъ, сосредоточенныхъ, переживающихъ высокія настроенія лицъ, это уже само по себѣ эстетически воспитывающее зрѣлище. И уловить въ чьемъ-либо лицѣ очаровательныя черты духовнаго горѣнія, просто одинъ разъ поймать и понять, почувствовать, какъ могутъ быть могущественны перерождающія религіозныя переживанія—одинъ такой моментъ

созерцанія въ эстетико-моральномъ отношеніи стоитъ долгихъ и многихъ часовъ уроковъ, на которыхъ упражняются въ воспитываніи вкуса. Поэтъ сказалъ:

Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный;
Блаженъ, кто жизнію умѣлъ
Хоть разъ коснуться правды вѣчной... (А. Толстой.)

Въ возвышенныхъ переживаніяхъ, въ молитвенномъ умиленіи или религіозныхъ восторгахъ предъ нами нашло именно это касаніе правды вѣчной Здѣсь прекрасное не въ краскахъ на полотнѣ и не въ бездушіи холоднаго мрамора.—предъ нами живая, творящаяся красота, осуществляющаяся въ плоти и крови. Но ничто такъ могуче не вліяетъ на нашу психику, какъ примѣръ. И ничто, никакія слова, отвлеченныя разсужденія не могутъ вселить въ насъ высокую вѣру въ достоинство человѣческой личности, вѣру въ человѣка, безъ которой жизнь страшна, угнетающа, какъ это созерцаніе красоты человѣческаго духа, созерцаніе картинъ, въ которыхъ воспринимаемъ вершинныя точки духовнаго развитія человѣка, укрѣпляющія незыблемо за нимъ его царственное званіе.

Я не забываю здѣсь того замѣчанія, какое сдѣлалъ Лай о педагогахъ, что они «часто впадаютъ въ ошибку, смѣшивая удовольствіе, связанное съ содержаніемъ (интеллектуальнымъ, этическимъ, религіознымъ—въ данномъ случаѣ всѣхъ трехъ родовъ), съ эстетическимъ наслажденіемъ, не замѣчая, что послѣднее происходитъ отъ игры иллюзіи между представленіями формы и содержанія» (411). Возможность смѣшать то и другое, слить въ одно, вполнѣ очевидна. Но остается несомнѣннымъ и для насъ въ настоящій моментъ болѣе важнымъ тотъ фактъ, что высшія формы эстетическаго всегда заключаютъ въ себѣ качественно высшее содержаніе, моральное ли, или религіозное. Не потому ли образъ Гермеса или Афродиты чарують людей столько вѣковъ, что эти торсы увѣнчаны божественными ликами? И если можетъ быть рѣчь о вос-

питаніи высшихъ, сложныхъ эстетическихъ эмоцій, нельзя уйти отъ оцѣнки ихъ качественнаго содержанія. Здѣсь замѣчу къ слову, что въ самомъ фактѣ сложности высшихъ эстетическихъ переживаній Лай видитъ условіе возрастанія удовольствія такого рода переживаній, происходящаго отъ неизбѣжной смѣны рядовъ выступающихъ въ полѣ сознанія представленій: съ одной стороны представленій формы, красокъ и очертаній, съ другой— интеллектуальнаго, нравственнаго или религіознаго содержанія (412).

Но если такъ важно созерцаніе объективнаго воплощенія красоты, то еще болѣе важно непосредственно-личное переживаніе моментовъ духовнаго творчества. Каковы бы ни были по своему качественному содержанію эти переживанія, они даютъ намъ почувствовать нашу собственную самоцѣнность, наше личное духовное величіе и красоту; у насъ вырастаютъ крылья, поднимающія высоко надъ некрасивой дѣйствительностью жизненныхъ буденъ; высшія и лучшія стороны духа возбуждаются еще болѣе. И какъ послѣ сладкаго не захочешь горькаго, такъ эти переживанія вновь и вновь призываютъ насъ къ дѣятельности, къ постоянной работѣ надъ культурой этихъ переживаній, надъ все большимъ и большимъ воплощеніемъ прекраснаго въ жизни своего я. Здѣсь мы научаемся понимать себя, какъ людей, свое сверхъ-животное достоинство, открываемъ источникъ, изъ котораго почерпаемъ свою способность и свое право быть расцѣнщиками дѣйствительности, т.-е. носителями идеаловъ и созидателями идеальнаго. И высшія эстетическія цѣнности куются именно въ этомъ мірѣ идеальныхъ переживаній.

Мнѣ кажется, въ проявленіяхъ религіозной жизни мы сталкиваемся съ наиболѣе доступной формой идеальныхъ переживаній. Дѣйствительность вообще слишкомъ засасываетъ насъ своей тягучей, осклизлой обыденщиной. Поставленные въ тѣсныя рамки условныхъ бытовыхъ

формъ и житейскихъ отношеній, мы какъ-то инстинктивно механизируемъ духовную жизнь и слишкомъ рѣдко переживаемъ истинно человѣческіе восторги. Добившись извѣстнаго рода жизненныхъ удобствъ или слишкомъ захваченные суетой погони за этими удобствами, мы ихъ не культивируемъ, чаще всего вполнѣ удовлетворяясь будничными, лишь въ несобственномъ смыслѣ человѣческими переживаніями, обусловленными нормами законовъ, приличія, привитой насильно привычки. И оцѣнивая все, созданное культурой нашихъ дней для того, чтобы человѣкъ, уставшій отъ суеты, могъ уйти отъ нея и забыться, вмѣстѣ съ Демосоеномъ мы могли бы сказать, что всѣ эти пріобрѣтенія «служатъ вѣку». Даже въ лучшій театръ мы идемъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ только затѣмъ, чтобы развлечься. Наша личность лишь пассивно отдается здѣсь чарамъ прекраснаго, а для духовной гигіены такъ необходимо важно самостоятельное, активное творчество. Между тѣмъ въ храмъ по преимуществу мы идемъ молиться — за настроеніями, и тамъ сознательно ищемъ и намѣренно создаемъ подходящую обстановку для такихъ переживаній [1]).

Все сказанное, мнѣ кажется, можно резюмировать словами Христа: «не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ!» Ихъ смыслъ будетъ такой: не затворяйте отъ дѣтей дверей церковнаго храма; пусть они идутъ туда, видятъ и слышатъ все совершающееся тамъ и пусть въ переживаніяхъ

[1]) Здѣсь можно встрѣтить возраженіе, что „религіозность“ далеко не всегда выражается въ человѣкѣ общимъ духовнымъ обновленіемъ. Но такое явленіе духовной дисгармоніи только особенно ярко бросается въ глаза въ религіозной области (по тѣсной связи ея съ моральной), а вовсе не есть специфическое явленіе данной области. Способность къ высшимъ переживаніямъ одного типа слишкомъ часто соединяется съ господствомъ низменныхъ въ иныхъ сферахъ, идеалъ Мадонны уживается въ одной душѣ съ идеаломъ садомскимъ, и этотъ фактъ, заслуживающій глубокаго обслѣдованія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поводомъ къ тому, чтобы устранить принципъ разносторонней культуры духа.

опредѣленныхъ настроеній они обогащаютъ свой духъ человѣческимъ содержаніемъ. Пусть это будетъ такъ, потому что этого требуютъ интересы эстетическаго воспитанія.

Резюмируя все сказанное приведенными словами Христа, мы, какъ это само собой очевидно, вплотную подходимъ къ цѣлому ряду серьезныхъ и жгучихъ вопросовъ, связанныхъ съ проблемой религіознаго воспитанія. Здѣсь, разумѣется, невозможно ихъ ставить и обсуждать. Мнѣ хочется лишь нѣсколькими словами подчеркнуть, что въ этой области религіозно-эстетическаго воспитанія дѣло обстоитъ крайне ненормально и часто на долю самихъ дѣтей выпадаетъ вносить поправки въ наши доктринерскія теоріи.

Когда Л. Н. Толстой говорилъ, что въ нашей церкви не осталось ничего, кромѣ «ладана, колоколовъ, парчи и словъ», то находилось и находится слишкомъ много людей, которые ему вторятъ. Въ результатѣ дѣти часто воспитываются не только внѣ всякаго рода религіозныхъ представленій и переживаній, но имъ даже сознательно прививается ненависть ко всему, что связывается съ религіозной областью. Нечего говорить, что въ эстетическомъ смыслѣ вся область религіозно-культовой красоты въ данномъ случаѣ пропадаетъ совершенно безслѣдно. Едва ли такое положеніе дѣла нормально, и непосредственное дѣтское сознаніе часто вѣрно чувствуетъ здѣсь фальшь. Въ подтвержденіе этого приведу одинъ фактъ. Какъ единичный, онъ имѣетъ незначительную логическую цѣнность, но психологическій смыслъ его очень значителенъ. Въ одной семьѣ, настроенной фанатически-враждебно противъ всего церковно-религіознаго, въ такомъ же настроеніи воспитывались и дѣти. Кромѣ презрительно насмѣшливаго отношенія къ явленіямъ и предметамъ религіознаго характера, они ничего не могли здѣсь встрѣтить. И однажды нянька, вопреки запрещенію родителей, завела дѣтишекъ 4—5 лѣтъ въ храмъ во время службы. Пораженные невиданною картиной, дѣти съ восторгомъ разсказывали

дома, что они видѣли. И вотъ что между прочимъ говорилъ одинъ ребенокъ: «мама, мама, тамъ былъ не попъ; тамъ—настоящій священникъ!» Дѣти такъ привыкли слышать, что въ церкви комедіанничаютъ попы, а попъ—олицетвореніе всякой гнусности и обскурантизма, что для нихъ величественная картина служенія священника, помимо сознательной работы, сразу открыла и опровергла ту ложь, какой напитывало ихъ семейное воспитаніе въ вопросахъ религіи. Въ данномъ случаѣ, именно благодаря эстетической сторонѣ церковной службы, можетъ быть, впервые въ этой семьѣ было произнесенно слово «священникъ» съ его истиннымъ содержаніемъ.

Показанія взрослыхъ въ интересующемъ насъ отношеніи тоже могутъ быть очень цѣнны. Недавно мнѣ пришлось слышать разсказъ студента о своихъ впечатлѣніяхъ отъ концерта Гофмана. Онъ былъ въ восторгѣ, переживалъ чарующія настроенія; ему показалось, что онъ перенесся въ забытые родные края, что онъ — ребенокъ, что онъ стоитъ у пасхальной утрени. И вся гамма радужныхъ пасхальныхъ настроеній наполнила его душу. Передъ нами — интересное сближеніе: музыкальный міръ гофмановской игры и дѣтскія впечатлѣнія пасхальной службы; одно сплетеніе, одинъ неразрывный узелъ. Я не хочу навязывать мысли, что для ребенка богослужебный эстетизмъ равенъ гофмановской музыкѣ для взрослаго. Но извѣстный параллелизмъ самъ собой бросается въ глаза, и будетъ ли правильно игнорировать данныя подобныхъ показаній?

У Добролюбова—трезваго реалиста—есть такое стихотвореніе:

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ;
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священникъ отецъ мнѣ мерещится
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ.
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ.

Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю...

Нѣжной элегіей обвѣяны эти строки; онѣ сотканы изъ задушевныхъ, глубокихъ настроеній. И вмѣстѣ съ поэтомъ переживая и радость и тоску его, хочется спросить: могъ ли Добролюбовъ отречься отъ своихъ золотыхъ воспоминаній дѣтства? воспитанный въ церковной атмосферѣ священнической семьи, онъ, когда рука его не могла больше складываться для креста, могъ ли онъ пожалѣть, что имѣлъ эти впечатлѣнія въ дѣтствѣ? Думается, какъ тотъ студентъ, умилившійся передъ дѣтскими воспоминаніями пасхальной утрени, такъ и Добролюбовъ могли лишь благословлять дѣтство, которое дало имъ эти впечатлѣнія.

И жаль становится тѣхъ дѣтей, которыхъ фанатизмъ и жесткое доктринерство взрослыхъ не пускаютъ туда, гдѣ разлито столько красоты и поэзіи.